

**В СЕРИИ  
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»  
ВЫШЛИ КНИГИ:**

---

Разрыв — трава горькая  
Сквозь печальные туманы  
Волки смотрят в лес  
Отворите мне темницу  
Горюч камень Алатырь

**СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЁСТРЫ»:**

---

Цветы запоздалые  
Гори, письмо любви  
Судьбою рвется нить



Анастасия Туманова

# ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Москва  
T8 RUGRAM  
2020

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
Т83

**Туманова, А.**

Т83 Цветы запоздалые/ А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 290 с. — (Грешные сёстры).

ISBN 978-5-521-92494-3

Когда-то граф Грешнев славился богатством и щедростью на всю губернию. Теперь же его осиротевшие дочери-бесприданницы не знают, как выбиться из нищеты. Их мечтам о счастье не суждено сбыться. Прекрасный голос средней сестры, Софьи, никогда не зазвучит со сцены... Родной брат продает Софью, как рабыню, проезжему купцу. В отчаянии юная графиня бросается в реку. Могла ли Софья знать, что кинувшийся за ней охранник купца станет для нее не только спасителем, но и судьбой?

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
BIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92494-3

© Туманова А., 2020  
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020  
© Т8 Издательские технологии, 2020

## Г л а в а 1

### С О Ф Ь Я

Калужские леса — темные, дремучие, обманные. Просвеченный солнцем, радостный березняк незаметно уведет в сумрачный ельник. Солнечная тропинка провалится в глубокий овраг, широкая просека заманит в сырое болото, в глухой бурелом, где ухает филин. Мало кто из деревенских решался забираться в сердце леса: сыроежки да рыжики ходили искать в березовую рощу.

Но лето 1878 года выдалось дождливым. После яблочного Спаса лесные пни обсыпало опятами, по склонам оврагов вылезли лисички, в папоротниках повыскакивали боровики, и прочего гриба — груздей, подосиновиков, подберезовиков, волнух — народилось в этом году видимо-невидимо. Соблазн был велик, и десяток девок посмелее из села Грешневка все же осмелились забраться поглубже в лес.

К вечеру все корзины были полны, все короба набиты доверху, и даже в подвязанных фартуках девушек лежали грибы. Возвращались уставшие грибницы медленно. Не было сил даже завести песню, и девки молча слушали, что рассказывает долговязая, худая и черная, как цыганка, Пелагея:

— А вот еще бабушка сказывала, что по осени в нашем бору старый леший выть начинает. Тошно ему, вишь ли, что лето кончается, вот и мечется по буеракам-то и завывает, как душа нераскаянная. А то еще мухоморов наестся, охмелеет с них да как почнёт по ельникам носиться! Сучья трещат, ломаются, ровно войско ломится... Ух, страсти-то! Крещеному человеку вовсе нельзя в такие дни по бору шастать. Вот мой дед Фома Григорыч однова на Арсеньев день...

Внезапно рассказчица смолкла на полуслове и остановилась как вкопанная. Замерли и другие. Потому что из густых зарослей орешника раздался вдруг высокий, пронзительный, полный смертельной тоски вой.

— Ба-а-а-тюшки святы... Волк! — прошептала толстая Василиса, роняя корзину. Золотистые лисички посыпались на траву.

— Ништо... — севшим голосом сказала Пелагея, шаря вокруг себя в поисках палки. — Летом волки добрые. А это, может, совсем и...

Договорить она не успела: вой повторился. На этот раз он был еще жутче и заунывнее и нimalo не похож на волчий. Перепуганные девки стояли не двигаясь. Внезапно со стороны болота, из камышей, слышались равномерные глухие хлопки: «Ух... ух... ух...» — словно кто-то отряхивался, выбираясь из трясины.

— С нами крестная сила... — прошептала бледная Пелагея. — Чур меня, чур, рассыпья...

Но жуткие хлопки не смолкали. В орешнике завывало с новой силой. А когда из зарослей папоротника с утробным ворчанием вдруг поднялось и пошло прямо на девок что-то огромное, безглазое, мохнатое, страшное, — тут уж грешневские дали стрекача. Неслись по кочкам очертя голову, задрав подолы, из которых сыпались грузди, мелькая голыми ногами и вереща дурниной. Брошенные корзины и короба

остались валяться на елани. Толстая Василиса мчалась последней, и ее истошные вопли: «Леший, ой, мать-заступница, леший!» — долго еще звенели в сыром воздухе.

Когда последние крики смолкли вдалеке, «леший» выбрался из папоротников, подбежал к брошенным корзинам и сбросил с головы вывернутый наизнанку овчинный кожух. Теперь это был уже не леший, а Софья Николаевна Грешнева, семнадцати лет от роду, хозяйка имения Грешневка. На ней было старое, местами заплатаанное, насквозь мокрое от росы серое платье. Из-под обтрёпанного подола виднелись босые ноги. В растрёпанных волосах запутались еловые иголки и жёлтые берёзовые листья.

— Вот это удача! — обрадовалась она, глядя на грибы. Обернувшись, крикнула: — Эй, Катя! Марфа! Выходите!

Ветви орешника раздвинулись, и на опушку вышла младшая сестра Софьи, пятнадцатилетняя Катерина Грешнева. Сестры были похожи: обе высокого роста, зеленоглазые, смуглые. Но Катерина была шире в плечах, крепче сложена. Резкие черты её скуластого лица притягивали к себе неласковой, опасной красотой. Во взгляде чуть раскосых, сощуренных глаз мелькала недобрая искра. Кое-как заплетённые в косу иссиня-чёрные волосы девушки-подростка в беспорядке выбивались из-под надвинутого на лоб платка. Поймав взгляд Софьи, она усмехнулась, поднесла сложенные воронкой ладони к губам — и по притихшему перед дождем лесу снова пронёсся продирающий по коже вой.

— Будя завывать-то, барышня! — басом сказали из камышей, и на прогалину выбралась, на ходу отжимая мокрый подол, девка с растрепанной косой. Коса была русая, толстая, девка — коренастая, веснушчатая и некрасивая, но сощуренные глаза с толстыми веками поглядывали весело. Когда большой рот девицы растянулся в улыбке, она стала похожа на лягушонка.

— Ох, бога-аты мы сегодня... — садясь на корточки перед грибами, протянула она. — Мы эти груздочки-то посолим, посолим... А опяточки-то сквасим... А остальное-то на базаре продади-им... Пособляйте, барышни!

Софья с Катериной, по-деревенски подоткнув подолы, принялись сгребать рассыпанные грибы обратно в корзины.

Поодаль, в березняке, переминалась с ноги на ногу одноголазая кобыла, запряженная в телегу с сеном. Марфа ловко перекинула поводья, вывела кобылу на дорогу, расчистила место в телеге. Вскоре грибы были загружены и тщательно замаскированы сухой травой. Марфа взгромоздилась на телегу, пробасила: «Ну-у-у, дохлятина!» — и кобыла, фыркнув, тронулась с места. Сёстры Грешневы зашагали следом.

Лес скоро кончился. Тропинка превратилась в широкий грязный тракт с залитыми дождем колеями. Дорога вилась между полями, местами покрытыми скошенным жнивьем, местами уже распаханными под озимые. На холме темнела колокольня сельской церкви, со стороны пруда доносилось мычание: там паслось стадо. Навстречу попадались деревенские. Поравнявшись с барышнями Грешневыми, мужики стягивали шапки, а бабы кланялись. Кланялись, впрочем, больше по привычке: помещицы Грешневы были такими же нищими, как окрестное крестьянство. Софья улыбалась в ответ. Катерина, глядя в сторону, хмуро молчала. Марфа, понукая лошадь, ворчала без остановки.

— Барышни, конечно, меня, дуру безграмотную, и не слушать могут... Они, конечно, и сами лучшей разумеют... Но только что же это за времена наступили, ежели господа на большую дорогу разбойничать пошли, ась? Софья Николаетвна? Другим разом, может, и дилижансы останавливать пойдем? Купцов резать? Один раз я на вашу придумку согласилась, но боле — не возьмусь! Вот воля ваша, а не

возьмусь! Ить поймают — прибьют до смерти! Не поглядят, что господа!

— В другой раз я новое придумаю, — спокойно, с улыбкой отозвалась Софья. — Ты, Марфа, не бурчи. Есть-то зимой хочешь?

— Вестимо...

— Вот и помалкивай. Мы тоже хотим.

Марфа, насупившись, умолкла. Барышня была права.

Когда-то имя графа Николая Петровича Грешнева, генерала кавказских сражений, гремело на весь уезд. Ему принадлежали пять деревень и большое село Грешневка под Юхновом. В огромный графский дом с античными колоннами съезжалась на именины хозяев чуть не вся Калужская губерния. Закатывался фейерверк, выступала крепостная труппа, девки в прозрачных кисейных покрывалах, как могли, изображали танцы одалисок, от охотничьих забав дрожали поля мужиков, играл военный оркестр. Рассказы о грешневских балах обсуждались в салонах обеих столиц. Николай Петрович Грешнев был мечтой всех незамужних девиц в округе. Несмотря на зрелый возраст, он был холост, имел косую сажень в плечах, головой задевал все притолоки в доме, замечательно танцевал мазурку и котильон и, склонив к плечу партнерши буйнокудрявую голову, мог, блестя зелеными, опасными глазами, нашептывать такое, что барышня таяла, млела и готова была уже делать предложение сама. Грешнев, впрочем, свататься не торопился, а родители девиц не понуждали дочерей давать неотразимому графу надежды. На это была довольно весомая причина. Имя сей причины было — Фатима.

Генерал привез ее с Кавказа — безмолвную, не знающую ни слова по-русски, с ног до головы закутанную в черное покрывало, — и поселил в пустующей после смерти матери женской половине дома. К гостям генерала Фатима никогда не

выходила. Соседи-помещики знали о ней лишь со слов своих крепостных, а те, в свою очередь, — по рассказам грешневской дворни. Было известно, что черкешенка необыкновенно, ослепительно хороша собой, всегда тиха, всегда молчит, что многочисленной прислуги, предоставленной ей Николаем Петровичем, она смертельно боится, закрывает лицо лоскутом, целыми днями сидит на затынутой царской парчой оттоманке и смотрит в стену.

«Ведьма!» — клялись дворовые девки, боящиеся Фатимы не меньше, чем она — их.

«Ведьма, точно!» — подтверждали мужики, хоть раз увидевшие проблеск черных, длинных глаз без белка.

«Боже, какой ужас! — вздыхали барышни, наслушавшись рассказов своих горничных. — Николай Петрович, бедный, верно, околдован... Он нуждается в решительном спасении...»

Спасали как могли: обещали все танцы из бальной книжечки, читали нараспев, с намеком, стихи Пушкина, те самые «Ах, обмануть меня не трудно...», отчаянно, вопреки наказам матушек, делали глазки из-за вееров. Самые смелые даже жали руку и устраивали показ ножки из-под словно невзначай приподнятого подола. Но Грешнев лишь делал глазки в ответ, читал в свою очередь Дениса Давыдова «О, пощади!..» и, изверг и злодей, предложения никому не делал. В конце концов пыл девиц начал угасать, а когда, по сведениям из тех же деревенских источников, пленная черкешенка разрешилась черноглазым мальчиком, а через год еще и девочкой, невесты махнули на Грешнева рукой: безнадежен.

Годы шли, генерал старел. Фатима все так же мелькала тенью в задних комнатах дома. К ней привыкли, перестали бояться. Мамки и няньки возились с детьми — такими же, как мать, темноволосыми и смуглыми, такими же, как отец,